

INSPIRIA

ДОМ СТЫДА



18+



ЛИН ЙОВАРТ



INSPIRIA

Novel. Национальный бестселлер (Эксмо)

Лин Йоварт

Дом стыда

«Эксмо»

2025

УДК 821.111-312.9(94)
ББК 84(8Авс)-44

Йоварт Л.

Дом стыда / Л. Йоварт — «Эксмо», 2025 — (Novel.
Национальный бестселлер (Эксмо))

ISBN 978-5-04-251597-2

Австралия, штат Виктория. Детектив-сержант Элеонора Смит наконец-то получает свое первое дело об убийстве. В Хэрроуфорд-Холле, приюте для незамужних матерей в сельской глубинке, обнаружено тело женщины — местной медсестры; по всему видно, что ее отравили. Десятилетиями Хэрроуфорд-Холл был печально известен как «приют для девушек в кризисной ситуации». Таких, как четырнадцатилетняя Джейн Маковой, которая понятия не имеет, как забеременела. Или Мэрилин Поллард, испуганная, озлобленная девушка-подросток, отчаянно стремящаяся сбежать. Сюда их свозили боящиеся огласки родители. Но когда детектив Смит прибывает в некогда величественный готический особняк, она обнаруживает, что тот почти пуст — приют срочно закрывают. Зато заросшее кладбище неподалеку наводит ее на мысль, что отравление медсестры Чэпмен — не первая подозрительная смерть в Хэрроуфорд-Холле... Куда подевались все «воспитанницы» этого приюта? И, что самое главное, их дети, родившиеся здесь? Похоже, расследование легким не будет...

УДК 821.111-312.9(94)

ББК 84(8Авс)-44

ISBN 978-5-04-251597-2

© Йоварт Л., 2025

© Эксмо, 2025

Содержание

Пролог	7
Часть I. Первое убийство	9
Конец ознакомительного фрагмента.	28

Лин Йоварт

Дом стыда

Lyn Yeowart
The Hollow Girl

© Lyn Yeowart 2025

© Рюмин С., перевод на русский язык, 2026

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2026

* * *

*Между идеей
И реальностью
Между помыслом
И действием
Упала Тень
Т. С. Элиот. Полые люди¹*

Не проходите мимо! Посмотрите на удивительную Дырявую девушку! Всего шесть пенсов! Девушка с дырой прямо посередине туловища. Встаньте перед ней, и вы увидите через дыру красный бархатный занавес позади. Если хотите, просуньте руку. Думаете, это какой-то фокус? Надувательство? Что такого не может быть? Ошибаетесь! Вы такого никогда раньше не видели и никогда больше не увидите. Не проходите мимо! Удивительная Дырявая девушка! Всего шесть пенсов!

¹ Пер. с англ. В. Постникова.

Пролог

*Последнее убийство
1977 год*

Он имеет наглость смеяться, словно они не убийца и жертва, а старые друзья.

– Мне кажется, если б вы отравили меня, я бы это почувствовал.

Тем не менее он вытирает краешки рта полотняной салфеткой, водит языком внутри по щекам, облизывает губы. О боже, да, что-то такое есть. Что-то горькое, едкое, резкое. Жжет? Почему он сразу не заметил? Сердцебиение учащается. Зачем он согласился прийти на этот ужин? Из самоненятия?.. Он выплевывает остатки еды изо рта, отодвигает тарелку. Хмурится, моргает. Почему все плывет перед глазами?

Инстинктивно тянется за вином, чтобы очистить от яда рот, горло, легкие, вены, нервы, кости, клетки, атомы, но рука застывает, когда в мыслях возникает оглушительная дилемма: яд, возможно, содержится как раз в вине.

– Вы хотите денег? В этом все дело? У меня есть деньги. Много денег. Вам хватило бы до конца жизни.

– Нет, деньги мне не нужны.

Он пытается осмыслить заключенную в этих словах нелепость. Разве есть люди, не нуждающиеся в деньгах?. Голова работает с трудом – словно трутся одна о другую полоски темно-синего бархата или передние лапки навозной мухи. Нужно сосредоточиться. Включить мозги. Как в тот раз.

Желудок пронзает острая, как нож, боль, но он заставляет себя задать очередной логический вопрос:

– Тогда что вам нужно?

В ответ – молчание.

Он пытается зайти с другой стороны:

– Но это же глупо. Вас поймают.

– Странно такое слышать, особенно от вас. Кого-кого, а меня точно не поймают. – В воздухе повисает указательный палец в перчатке. – Вообще-то мне действительно кое-что от вас нужно...

Он держится за живот. Нестерпимая боль.

– Что? Чего вы хотите?

– Сначала посмотрите, что у меня с собой.

Тревога ледяными струйками растекается по венам, но он как замороженный смотрит на коричневую бутылочку, стоящую на краю стола.

– Это противоядие.

Он пытается схватить флакон, но его пальцы, точно резиновые, промахнувшись, шлепают по столу рядом с тарелкой. Стол, помещение, чужие руки в перчатках начинают странно раскачиваться, словно кабинка канатной дороги на слабом ветру.

– Я отдам вам то, что вам нужно... этот пузырек, если вы дадите взамен то, что требуется мне. Договорились?

Он пытается встать, но еще один приступ боли заставляет его согнуться пополам. Приходится хватать ртом воздух, словно пловцу, вынырнувшему из-под воды. Он издает мучительный стон, приподнимает голову, чтобы не дать мозгам развалиться на части.

С другой стороны стола слышится:

– Так мы договорились?

Он кивает. Разве у него есть выбор?

– Прекрасно. Согласно «Справочнику домашних ядов Фоулера», галлюцинации и боль закончатся через... – Они оба поворачивают головы к часам на стене – тик-так, тик-так, все громче и быстрее, все громче и быстрее, стрелки то приближаются, то отдаляются. – Примерно через полчаса. Закончится и ваша жизнь. Если, конечно, вы не проглотите вот это. – Рука в перчатке помахивает бутылочкой вне досягаемости. – Так что не пытайтесь хитрить, хорошо?

Боль и страх становятся такими нестерпимыми, что теперь уж над ним любой сжалился бы. Любой, кому неизвестно, что он совершил.

– Хорошо, хорошо, я ничего не буду делать... Просто поторопитесь...

Ответ проникает в мозг вяло и мучительно медленно. Желто-зеленый воск в ушах плавится, накатывает и отступает волнами, слова застревают в этой трясине, их приходится выковыривать, как муравьев из банки с медом.

Неточные подробности, пусть мелкие, все еще нервируют его, искажают представление о его блестящих способностях. Да никто и не станет читать этот бред. Все до смешного просто: как только он проглотит антидот, он немедленно уничтожит документ и убьет несостоявшегося убийцу. Поправка: сначала убьет убийцу, а потом уничтожит документ.

Откладывая авторучку и поднимая голову, чтобы произнести: «Я выполнил уговор, теперь очередь за вами», он уже планирует реванш. Но при этом пыхтит от страха и облегчения – руки в перчатках приближаются, протягивая бесценную коричневую бутылочку.

Он хватает ее и поспешно отвинчивает крышку, однако подносит ко рту медленно, чтобы не расплескать ни капли спасительной жидкости. Запрокинув голову, выливает в горло все содержимое и облизывает край. Густая маслянистая жидкость охлаждает глотку, проникает в вены – тяжелая и быстрая, словно ртуть.

Отпустило. Ура, отпустило!

Странно – средство имеет и запах, и вкус мяты...

Поняв, что произошло, он приходит в ужас.

– Ох, прошу прощения... Вы подумали, что это противоядие? Ошибочка вышла, как сказали бы вы.

Чужой голос то отдаляется, то приближается, словно эхо. Бьет то в один висок, то в другой.

– Но ужин действительно был отравлен, можете не сомневаться. Средством для чистки духовок с добавкой некоторого количества средства для чистки унитазов. Разумеется, согласно «Справочнику Фоулера», вы оклемались бы через час с небольшим, сильно проблевавшись. А вот бутылочка, которую вы только что осушили... Смертельная доза масла мяты болотной, причем вы выпили ее добровольно и даже с жадностью. Так что в любую секунду сейчас начнется настоящая агония, и боюсь, – послышался вздох, – что единственный антидот от этого яда – смерть.

В рассыпающейся мозаике последних слов звучит неприкрытый ужас:

– Что я... вам... сделал?

Часть I. Первое убийство

*Джейн
1961 год*

Миссис Алисия Уайтхолл была одной из тех женщин, которые не потерпели бы на свадьбе дочери ничего шумного и вульгарного. Если не считать таковым мистера Уайтхолла, самого богатого человека региона, сколотившего состояние на выгодной торговле пестицидами. Поэтому гостям приходилось громко смеяться над шутками в до одурения длинной речи отца невесты. Каждая вторая фраза заканчивалась намеками на события, которым предстояло произойти в супружеской постели Гейл² и Джеффа.

А я, бог мой, стояла там, как наивная дурочка, мне было всего четырнадцать лет, и до меня не доходил смысл ни одной из его шуток. Однако в тот вечер я узнала мистера Уайтхолла совсем с другой стороны.

На дурацкой свадьбе я оказалась по единственной причине – моя подруга Люси была сестрой невесты и придумала способ, как меня туда протащить. Прекрасно изучив принцип работы мозгов своей матери, Люси дождалась момента, когда до свадьбы осталось всего две недели и невеста в возбуждении вертелась перед зеркалом, окруженная пеной белоснежных нижних юбок. Миссис Уайтхолл визгливо крикнула: «Стой смирно, Гейл!», пытаясь прицепить фату к цветочной клумбе на голове дочери. Выбрав подходящий момент, Люси плюхнулась на кровать сестры и заскулила: «Такая ску-у-ука! Одно старичье. Можно Джейн придет со мной на свадьбу?» Она ныла и ныла, пока миссис Уайтхолл не проскрипела: «Ладно, приводи свою глупую маленькую подружку. Но я не стану заказывать лишнюю порцию жареной курятины, слышишь?»

Когда Люси рассказала эту историю, мы чуть не надорвали животы от смеха. Люси умела передразнивать мать, как настоящая актриса, хотя могла бышний раз не изображать, как та называла меня «глупой».

На свадьбе я до этого ни разу не бывала, поэтому по совету мистера Батлера, которому я рассказала эту историю, постаралась засунуть слова о «глупой маленькой подружке» в дальний угол сознания, да только у меня ничего не вышло. Они отказывались испустить дух, словно живучая крыса, чью лапу прищемило в мышеловке. Слова эти метались туда-сюда и скалили на меня зубы.

Короче, в десять вечера великого события я сидела за одним из столов, расставленных вокруг площадки для танцев в банкетном зале «Балларат». Одна. Букет невесты попугаем упорхнул к гостям, свидетель жениха пообнимался с унитазом, а счастливые молодожены ушли наверх переодеться в наряды для брачного путешествия одинакового фасона. Нам бы с Люси бегать вокруг столов, хватать куски торта и допивать оставшееся на доньшке шампанское, чуть-чуть пьянея, – но нет, я сидела сама по себе, в то время как Люси топталась на танцплощадке среди других пар с тем самым свидетелем жениха. Всякий раз, когда они приближались, я пыталась поймать взгляд Люси и показать ей глазами, что пора, мол, и честь знать, но она смотрела в лицо партнера так, словно всю жизнь мечтала вальсировать с ухмыляющимся, тощим, прыщавым девятнадцатилетним юнцом. А так как они танцевали уже пятый раунд (я считала), мне стало ясно, что Люси, погрузившись в розовый туман, променяла меня на Рвотного мальчика.

Тем не менее я не могла отвести от них глаз. Вот почему подскочила, когда на стул, где положено было сидеть Люси, опустился мистер Уайтхолл и, наклонившись ко мне, спросил:

² Сокращенное имя Эбигейл.

– Чего такая красивая девочка повесила нос, а?

Я не поняла, зачем он сел рядом. Он и миссис Уайтхолл мнили себя выше всех, потому что бизнес принес им неожиданное богатство. Раньше он со мной вообще не разговаривал, хотя я бывала у них кучу раз. Люси объясняла такое отношение тем, что мой отец умер три года назад, но это, конечно, фигня.

От мистера Уайтхолла разило пивом и чем-то еще – может быть, ядовитыми инсектицидами и той дрянью, которую он продавал фермерам и садоводам по всей Австралии. Я отклонила туловище немного в сторону, надеясь, что он не заметит и не обидится.

– Нет, со мной всё в порядке, мистер Уайтхолл. Просто... – я пожала плечами, – я наблюдаю за Люси.

Перехватив мой взгляд, он рассмеялся.

– Ты скоро сама будешь танцевать на своей свадьбе и готовиться... – Его голос стал ниже, и он заговорил медленнее, словно что-то застряло у него во рту: – К су-пру-жес-кой постели.

Мистер Уайтхолл запрокинул голову и допил пиво, дождавшись, когда последние капли стекут по стенкам бокала и упадут ему в глотку.

Мне захотелось встать и уйти – не только из-за неприятного запаха, но и вдобавок из-за того, как он на меня смотрел. Нет, правда, хотела. Клянусь. Однако он был не просто отцом Люси, но еще и отцом невесты; я же – всего лишь маленькой глупой подружкой, которой позволили поглазеть на свадьбу. К тому же он вел себя довольно прилично. На меня никто не обращал внимания. В итоге я вежливо улыбнулась и не стала уходить.

И это, конечно, было первой ошибкой.

– О да, – сказал он нормальным голосом, поставив пустой бокал на стол, – ты такая симпатичная... Тебя в два счета заграбастают.

Попытался щелкнуть пальцами, но они были мокрые после бокала. Тогда мистер Уайтхолл поднес пальцы к глазам и попытался щелкнуть ими еще раз, озабоченно хмурясь, как будто на свадьбе дочери для него не было дела важнее. Сдавшись, он махнул рукой и положил ладонь на спинку моего стула.

– Такая симпатичная... – прошептал он и добавил громче: – Эй, ты почему ничего не пьешь? Так не пойдет. Я кучу денег потратил на это гульбище. Тебе надо выпить. – Он взял пустой бокал и озадаченно пробормотал: – Мне, кажется, тоже. Ну, тогда... – Он взял со стола карточку для рассадки гостей и вскинул указательный палец. – Джейн Макэвой, что ты будешь пить?

– Э-э... лимонад.

– Не, – сказал он, встал со стула и, взяв меня за руку, тоже заставил подняться. – Пошли. Есть отличное шампанское. – Неопределенно махнул в сторону двери. – Я для себя припас. И для тебя.

Я взглянула на танцплощадку. Играла медленная ритмичная музыка, танцующие пары, обнявшись, двигались в унисон, словно связанные одной нитью, за которую дергал кто-то невидимый. Голова Люси покоилась на плече Рвотного мальчика, глаза были закрыты, парень придерживал ее голову сверху красной мосластой лапой.

Ну вот, а говорила «ску-у-ука»...

– Ты любишь шампанское? – спросил мистер Уайтхолл, не выпуская мою ладонь из влажной руки. – Конечно, любишь. Кто не любит шампанское?

Он засмеялся. Но, даже смеясь, смотрел не в лицо, а на мое платье. Мне его смех показался немного грустным, и у меня по спине пробежал холодок сострадания. Тем более что в этот момент на нас посмотрела хмурая миссис Уайтхолл.

«Глупая маленькая подружка» – так называла меня миссис Алисия Уайтхолл. Миссис Бисли рассказывала, что миссис Уайтхолл настоящая корова – при тебе сладенькая, как вафли в шоколаде, а стоит тебе уйти, тут же начинает хаять твою одежду, прическу, манеру говорить,

твое неумение зарабатывать – и все это с такой кислой рожей, словно ей выжали в рот целый лимон.

Бедный мистер Уайтхолл. С кем ему приходится жить...

Я позволила бедному мистеру Уайтхоллу увести себя с танцплощадки в маленький коридор, а оттуда – в дверь, за которой не ожидала увидеть что-то интересное, пока он не открыл ее. В секретной комнате стоял огромный бильярдный стол, над ним висел плафон из матового стекла почти такого же размера, целую стену занимала барная стойка с зеркалами, по обе стороны большого кофейного столика стояли два мягких кожаных дивана. Когда он закрыл дверь, в нос мне ударил теплый запах – так пахнут сладкие мускусные палочки и банановое мороженое «Паддл поп».

– Ты сядь там, – он махнул рукой на один из диванов, направляясь к стойке, – а я пойду налью нам выпить по бокальчику. Или по три, – хохотнув, добавил он.

Мистер Уайтхолл открыл холодильник и достал два широких бокала для шампанского – точно такие же, какие официантка составила в гигантскую пирамиду, когда Джефф и Гейл, закончив фотосессию, явились в банкетный зал. Под одобрительные крики официантка выстрелила пробкой из одной бутылки, потом из второй, потом из третьей, непрерывно наливая шампанское в самый верхний бокал, так что вино, переливаясь через край, каскадом падало в нижние бокалы.

Мистер Уайтхолл не смог эффектно повторить фокус официантки, хотя пытался при-мостить всего два бокала, поставив их один на другой. Наконец это ему удалось. Он открыл бутылку шампанского и наполнил верхний бокал до краев, а нижний – больше чем на половину.

– Работа мастера, а?

Он протянул мне верхний бокал – тот, что был наполнен до краев. Шампанское пролилось мне на платье. Второй осушил одним глотком, налил снова, сел рядом со мной на диван и чокнулся с моим бокалом, отчего мой подол опять залило шампанским.

– Выпьем за...

Я так и не узнала, за что предлагал выпить мистер Уайтхолл, потому что он вдруг начал всхлипывать.

Разумеется, в этот момент я должна была встать и позвать миссис Уайтхолл. Или сказать мистеру Уайтхоллу, что пора возвращаться к остальным, чтобы не пропустить, как Джефф и Гейл отправятся на Голд-Кост в новеньком желтом «Холдене ФБ» Джеффа. Сзади должны были гроыхать пустые жестяные банки с надписью «Новобрачные» и развеваться вылетающие из багажника ленты туалетной бумаги. Мне очень хотелось посмотреть – Люси обещала, что это будет умора.

Беда была в том, что я ни разу до этого не пила шампанское, Люси улетела на седьмое небо с Рвотным мальчиком, а бедный мистер Уайтхолл плакал.

Я положила ему руку на плечо – хотела утешить.

Это была моя вторая ошибка.

Мэрилин

1961 год

Миссис Дениз Монтагью из Хэрроуфорд-Холла сидела за столом в высоком черном кожаном кресле и читала вслух одну инструкцию за другой, четко выговаривая слова и сдабривая их капелькой язвительности.

С другой стороны стола дрожала девочка в форме Хэрроуфорд-Холла с табличкой на груди на имя Мэрилин Дженовив Поллард, чей выпирающий живот уже ничто не могло скрыть.

Покончив с чтением правил, старшая медсестра сцепила пальцы поверх крышки стола, надменно приподняла бровь и, растягивая слова, словно обращалась к слабоумной, спросила: «Ты все поняла?»

Мэрилин кивнула. Еще бы не понять. Она уже усвоила, что овальная вывеска на входной двери с надписью «Хэрроуфорд-Холл, приют для девушек в кризисной ситуации» – ложь. Единственная разница между стоящей перед ней женщиной и всеми другими людьми, презиравшими и бранившими ее за то, что она «залетела», заключалась в том, что власти у старшей медсестры было больше, чем у всех остальных, вместе взятых.

А еще она поняла, что посетителей Хэрроуфорда, ступавших на сверкающую черно-белую плитку внушительного вестибюля и восхищенных видом блестящих круглых столов красного дерева с вазами роз, срезанных в огромном саду, дураят по-черному. Она и сама попала на эту удочку.

К тому времени, когда посетители доходили до застеленного ковром восточного крыла первого этажа и большого кабинета заведующей с внушительной вереницей шкафов для документации, они были не просто обмануты, а проникались благоговением. И ощущением надежности. Неудивительно, что после этого они радостно подмахивали официальные бумаги и получали на руки сияющего, новенького младенца, которого очень кстати произвела на свет одна из девушек в «кризисной ситуации».

Как корова теленка.

Разумеется, в свой первый день в Хэрроуфорде стоявшая перед заведующей Мэрилин Дженовив Поллард ничего этого не знала. Озябшая, сбита с толку, напуганная кошмаром, в который она вляпалась, и бесконечным списком правил, что еще могла она сделать, если не кивнуть в ответ на вопрос начальницы приюта, все ли она поняла?

Но со временем даже дрожащая наивная Мэрилин сумела соединить все маленькие черные точки и понять: наружная сторона Хэрроуфорд-Холла – не более чем вывеска, начищенная до блеска не хуже стоявших в фойе столов из красного дерева.

А что касается миссис Дениз Монтагью... из нее невозможно было вытянуть ни слова правды о том, что происходило в Хэрроуфорд-Холле, так что она определенно получила по заслугам.

Элеонора

1973 год

– Ты убийство хотела? Считай, что сегодня тебе улыбнулась удача.

Детектив-сержант уголовной полиции Элеонора Смит подскочила, когда босс рывкнул ей прямо в ухо и хлопнул по столу листком бумаги. На нем каракулями начальника было написано: «Подозрение на убийство, Хэрроуфорд-Холл, Хоршем». Нахмурившись, Элеонора посмотрела на суперинтенданта Коттера.

– Да-да, ты правильно поняла – Хоршем. Так что ноги в руки и вперед. – Коттер постучал по циферблату часов, словно она уже опаздывала. – Убита медсестра. Видать, достала любовника до печенок, вот он ее и кокнул... Просто как дважды два, даже для тебя. Но я приставаю к тебе еще одну пару глаз и ушей, поскольку...

– А что местные...

Начальник выставил ладонь с растопыренными пальцами прямо перед лицом подчиненной.

– Не перебивай, Смит. Я только что хотел сказать, что в Хоршеме на весь район всего два сыща. Оба из кожи вон лезут, пытаюсь установить, кто устроил пожар, в котором погибло несколько человек. Они не только сотрудника прислать – вздохнуть не могут. И смотри не

запори дело! – Коттер наклонился достаточно близко, чтобы почуять пахнувшую из его рта табачную вонь. – Усекла?

– Так точно, сэр.

Он был прав. Элеонора не могла позволить себе ошибку. Два года назад, в первый день после назначения сыщем – так Коттер называл сыщиков, – она явилась в отдел уголовного розыска полиции Балларата, где Коттер во всеуслышание – а присутствовал практически весь состав отдела – заявил, что женщинам для раскрытия убийств не хватает мозгов. Эту присказку он повторял еще не один раз.

В итоге Элеонора на два долгих года застряла на мелких происшествиях, которые неохотно подбрасывал ей Коттер. Раскрывать их было легче, чем чистить вареные яйца. Настоящее издевательство. А когда он однажды поручил ей немного более запутанное дело – кражу со взломом, – то снял ее быстрее, чем срывал целлофановую обертку с пачки любимых сигарет, как только выяснилось, что преступление было частью серии вымогательств в преступном мире. В своей типичной манере начальник объявил об этом в присутствии всех сотрудников. «Я хочу, чтобы это дело было раскрыто раньше, Смит, чем ты сделаешь себе новую стрижку, так что тебя заменит Боб», – заявил Коттер. Сияя, как новенький тюбик зубной пасты, он обвел присутствующих взглядом; остальные сыщи захихикали. А ведь именно она установила, что на самом деле стояло за кражей со взломом. И предложила, чтобы Боб Патерсон провел повторный опрос свидетельницы. Пересмотр ее показаний сдвинул дело с мертвой точки. Патерсон обещал, что не забудет вклад Элеоноры, но, получив повышение по службе, на торжестве, устроенном по этому случаю Коттером, даже не смотрел на нее, не говоря уже о том, чтобы упомянуть ее заслуги.

Привычка Коттера поручать «сочные» дела сыщам мужского пола имела и положительную сторону: Элеонора прошла все имевшиеся курсы повышения квалификации, отчего ее разум был до отказа набит фактами и цифрами, связанными с ее страстью – расследованием убийств и поиском убийц.

Таким образом, предположение, что ей понадобится «помощь» в первом порученном расследовании убийства, означало двойное оскорбление. Однако ехать до Хоршема предстояло почти два с половиной часа, и попутчик ей не помешал бы... Так она думала, пока Коттер не представил вторую «пару глаз и ушей» – констебля Роланда Ожье (почему-то «г» в его имени все произносили как «ж»). Роланд смахивал скорее на выпускника школы, чем академии полиции, и вряд ли имел квалификацию детектива. Оказалось, что Элеонора была права и одновременно ошибалась. Парень выпустился из академии всего три дня назад, то есть подать заявку на курсы детективов он мог только через два года. Однако министр полиции, который сам – не удивляйтесь! – никогда в ней не служил, придумал новенькую – пальчики оближешь! – программу с жутко профессиональным названием «Возьми след», по которой каждый выпускник академии, прежде чем приступить к исполнению непосредственных обязанностей, должен был месяц путаться под ногами у опытного сотрудника в избранной области специализации. Свежеиспеченный констебль Ожье избрал уголовный розыск и был отправлен в Балларат.

«Какая там, нафиг, вторая пара глаз и ушей! – подумала Элеонора. – Просто Коттер не желает позволять мне делать что-либо самой, без мужиков».

И вот спустя несколько часов они стоят и смотрят на жертву убийства в Хэрроуфорд-Холле.

– Вы увидите, – поучающим тоном сообщила Элеонора напарнику, – что яд в качестве орудия убийства обычно предпочитают женщины.

Ожье открыл блокнот и записал высказывание старшего партнера. Слово в слово, как догадалась Элеонора. Напарник с первой минуты после отправления из Балларата непрерывно все записывал, что одновременно и льстило, и раздражало. Вспомнив, что даже депутаты парламента порой несут откровенный бред, Элеонора уверенно предположила, что молодой

сотрудник ровным счетом ничего не знает об убийствах и ядах. Поэтому по меньшей мере могла поделиться своими обширными познаниями.

Правда, особых навыков для понимания того, что жертву отравили, не требовалось. Опухший язык, остатки белой пены в уголках рта, застывший на лице ужас – чем не пример из учебника криминалистики?

Элеонора продолжила лекцию:

– Итак... вы можете спросить, почему именно яд является для женщин любимым оружием убийства. Для начала: массу сногшибательных возможностей можно обнаружить в самом обычном кухонном шкафу под раковиной, в прачечной, садовом сарае или в аптечке.

Ожье тут же сделал пометку в блокноте.

– Но истинное притяжение яда... – Элеонора подошла к окну, взглянула на сплошную стену дождя и, увидев по ту сторону старого проволочного забора расплывшиеся очертания кладбища, нахмурилась, – состоит в том, что убийце не требуется вступать с жертвой в физический контакт, чтобы воспользоваться ножом, огнестрельным оружием или, боже упаси, каким-нибудь неандертальским оружием вроде молотка.

Она фактически цитировала материалы первого короткого курса, который прошла уже квалифицированным следователем, под названием «Сумасшествие и жестокость. Женщины-убийцы», и была рада, что память сохранила так много подробностей.

Элеонора поежилась. В комнате стоял ледяной холод, вид заросшего сорняками кладбища с серыми покосившимися надгробиями тоже не поднимал настроения.

– Смышленая женщина-убийца может добавить пару капель куда надо – а потом просто сидеть и хладнокровно, словно работник морга, наблюдать, как он выпускает дух у нее на глазах.

– Или, – Ожье ткнул шариковой ручкой в воздух, – если ей требуется железобетонное алиби на момент смерти пострадавшего, тайком добавить щепоть или каплю яда в виски или конфитюр, а сама укатить за тысячу километров еще до того, как он их проглотит.

– Ну да, – согласилась Элеонора, несколько раздраженная тем, что ее перебили, поскольку сама собиралась добавить именно эту подробность. Подойдя к труп, она продолжила: – Я говорю «он», потому что жертвами убийств, совершенных женщинами, почти всегда являются мужчины. – Детектив махнула рукой в перчатке в сторону тела, словно предлагая открыть приз на телевикторине «Выбери коробку»³. – Тем не менее...

– ...жертва не мужчина, – закончил вместо нее Ожье.

Вот почему Коттер поручил дело единственному сыщику женского пола в отделе. Убийство произошло в приюте для женщин и грудных детей. Разве от него можно было ожидать чего-то другого? Особенно учитывая, что присутствие женщины-сыщика в его коллективе было для него как бельмо на глазу, а место преступления находилось достаточно далеко, что позволяло на несколько дней убрать ее с глаз долой.

– Тем не менее отравление налицо, – продолжил Ожье. – Если только пена у рта не остатки зубной пасты... Может, она решила почистить зубы перед отправлением в рай? – Он хохотнул, но Элеонора не поддержала шутку. Интересно, стал бы он зубоскалить, если б пена текла изо рта мужчины?

Она хотела было задать этот вопрос вслух, однако решила проявить снисхождение. Стажер явно пытался восстановить свое мужское достоинство после только что случившегося позорного инцидента. Когда местная полицейская, констебль Клэр О'Салливан, к кому Ожье, похоже, сразу же воспылал симпатией, подвела его к комнате, где лежал труп, в конце

³ Викторина «Выбери коробку» (*PickABox*) проводилась на телевидении Австралии с 1957 по 1971 год. Участникам, правильно ответившим на ряд вопросов, предлагали выбрать приз в коробке или деньги. Приз мог быть очень ценным или пустяковым, а денежная сумма могла быть намного выше или ниже стоимости приза.

восточного крыла Хэрроуфорд-Холла, практикант быстро заглянул в нее, тут же отвернулся и поспешно подавил рвотные позывы, замаскировав их под приступ кашля. Затем, покраснев, отступил на шаг.

Элеонора не стала из-за этого думать о напарнике хуже. Ее не тошнило, но сдержать стон ужаса ей тоже не удалось. Комната выглядела как камера пыток: повсюду лежали блестящие хромированные медицинские инструменты, здесь же стояли эмалированные весы для взвешивания пациентов и странного вида диагностический стол. Жертва лежала на столе, предплечья и кисти были зафиксированы ремнями, ноги закинута в кожаные «стремена», свисающие с хромированных стержней по бокам стола. Более гротескного места преступления Элеонора еще не видела. Сравнить, правда, было особо не с чем – до сих пор самым страшным местом преступления, куда ее направлял Коттер, была комната, набитая изрезанными в тонкую лапшу журналами бухучета.

Босс явно ошибся: дело отнюдь не выглядело простым как дважды два.

Хотя Хэрроуфорд был приютом для матерей с грудными детьми, это место, похоже, никогда не отличалось особой красотой. По дороге Ожье рассказал краткую историю заведения. Стажер неплохо подготовился. Следовательно, скотина Коттер назначил пацана на расследование дела раньше Элеоноры.

– Первую половину века здесь находился государственный сиротский приют, – начал рассказ Ожье. – Затем в пятьдесят девятом году государство... – парень сверился с записями, – превратило его в приют для девушек в кризисной ситуации, то есть место, где можно втихаря рожать детей, которых они нагуляли.

Не отрывая взгляда от дороги, Элеонора спросила:

– Вам родители не рассказывали, как делаются дети? Что танго танцуют вдвоем и все такое?

– Вы поняли, что я хотел сказать, мэм.

– Дам вам один совет, Ожье. Когда мы приедем в Хэрроуфорд, не бросайтесь фразами вроде «незаконнорожденные дети», хорошо? И не называйте меня «мэм». Это смешно. «Босс» вполне сгодится. Что еще вы знаете о Хэрроуфорде?

Напарник пролистал несколько страниц, что лишний раз подтверждало: он узнал о деле намного раньше ее.

– Приют расположен практически в центре региона Виммера, владелец по-прежнему правительством штата Виктория. Девушек присылают сюда со всего штата, а если кто-то не желает оставлять ребенка себе, его отдают на усыновление. Помимо этого, сведений мало. Убийств раньше не случалось, нападений, краж со взломом, жалоб от соседей тоже – вообще ничего. Приют находится в такой глуши, что здесь и соседей-то, наверное, нет.

Он оказался прав. Когда они остановились у полицейского участка в Хоршеме и под почти горизонтально хлещущим дождем побежали спросить дорогу, им сказали, что до Хэрроуфорда ехать еще сорок пять минут, а также попросили устроить временный офис в мотеле, потому что все столы, рабочие доски и пишущие машинки были заняты сотрудниками, расследовавшими поджог.

Чем дальше они отъезжали от города, тем больше холодало и тем сильнее Элеонора жалела, что согласилась взяться за это дело. Хоршем считался чуть ли не субтропиками – они только что проехали мимо щита, объявлявшего, что Малая пустыня находится всего в тринадцати километрах, – но, как видно, теплая погода не распространялась на зимний период. Элеонора терпеть не могла холод и пришла в ужас, когда после окончания курсов детективов получила назначение в Балларат, региональный город, славившийся отвратительным климатом и богатой историей времен золотой лихорадки. Ей удалось найти небольшой коттедж с камином – оказалось, что запас дров и растопочных таблеток неплохо справлялся с ненавист-

ным холодом. За исключением нескольких летних недель, она почти каждый вечер сидела у огня, перечитывая конспекты последнего курса.

Но сейчас машина уезжала все дальше от Хоршема, дождь молотил по крыше, от холода сводило зубы и стыли кости. Элеонора врубила обогреватель до отказа, а дворники – на максимальную скорость. Огромные поля по обе стороны дороги со множеством овец и посевов пшеницы вызывали недоумение – как пшеница могла быть такой желтой под проливным дождем?

Когда они наконец разыскали Хэрроуфорд, ей показалось, что это заведение сошло со страниц рассказа Эдгара Аллана По. Ожье толкнул высокие кованые ворота, и те громко заскрипели. По периметру территории приюта тянулась густая живая изгородь с узловатыми сучками. Дорожка огибала высохший грязный фонтан, половина крыльев украшавших его драконов была обломана и валялась на дне пустой бетонной чаши. Само здание представляло собой массивную запущенную трехэтажную постройку, частично покрытую плющом, со скалящимися с крыши злыми каменными горгульями. Элеонора почти воочию представила себе маленькие ручки и лица брошенных сирот и внебрачных детей, прижатые изнутри к грязным стеклам окон с черными решетками.

– Круто, – бросил Ожье, когда она выключила зажигание. Элеонора решила, что он так шутит.

Как и предупреждали в полицейском участке Хоршема, у входа их ждала констебль О’Салливан. Коллега провела сыщиков по мощенной плиткой прихожей и длинному коридору с двойными дверями в самый конец здания.

– Погибшая – Стелла Мари Чэпмен, тридцати восьми лет, не замужем. Жила одна, родители умерли, братьев и сестер нет, работала здесь медсестрой.

Когда они подошли к нужной двери, констебль повернулась и предупредила: «Убийство довольно зверское», после чего открыла дверь и отступила в сторону.

Именно в этот момент Ожье чуть не вырвало.

Торопливый стук каблуков заставил их оторваться от созерцания сцены преступления. По коридору приближалась женщина, одетая в черное платье, достававшее почти до щиколоток.

– Миссис Дениз Монтагью, – пробормотала О’Салливан. – Местная шишка, обнаружившая труп.

По-видимому, в коридоре была отличная акустика, потому что женщина еще за несколько шагов неодобрительно глянула на О’Салливан и медленно произнесла:

– Я не шишка. – Она повернулась к Ожье и смерила его взглядом. – Я заведующая и старшая медсестра центра Хэрроуфорд-Холл. Проводя расследование, вы без меня не обойдетесь. – Она кивнула в направлении трупа. – Ужасная трагедия. – Элеоноре не показалось, что старшая медсестра так уж сильно расстроена. – Да еще в родильном отделении...

Ожье скривился.

– В родильном? Это место скорее похоже на психушку, где людей мучают электротоком.

– Констебль Ожье! – одернула его Элеонора. – Займитесь ведением записей, а свои мысли оставьте при себе. – Она повернулась к начальнице приюта. – Миссис Монтагью, я детектив, назначенная расследовать это убийство. Констебль Ожье – мой помощник.

Монтагью криво улыбнулась.

– Вот как?

– Расскажите, когда вы обнаружили труп.

Заведующая проглотила слюну, вздернула подбородок и сложила руки на груди.

– Сегодня утром, ровно в восемь тридцать шесть.

Элеонора буквально почуяла исходивший от нее страх. Она в панике. Вполне нормальная реакция, когда у тебя на работе происходит убийство. Однако убийцам не впервой «находить» тело и вызывать полицию. И еще одна примета: старшая медсестра нервно постукивала паль-

цем по предплечью, за которое держалась. Бессознательный тик; виновные часто так делают, сами того не сознавая. Элеонора бросила взгляд на Ожье, чтобы убедиться, ведет ли он запись. Он вел, но тик, похоже, не заметил.

– Что вы можете рассказать о погибшей?

– Ее звали Стелла Чэпмен. Одна из медсестер, которые раньше здесь работали.

– Раньше?

Монтагью скривила губы.

– Хэрроуфорд-Холл прекратил работу.

Это объясняло запущенное состояние фасада, вот только Ожье, собирая информацию, не обнаружил этого факта.

– Когда закрылся центр?

– Последняя девушка покинула его две недели назад. Сегодня последний день работы сотрудников, они пришли закрыть некоторые... – заведующая сделала паузу, – административные вопросы. – Когда она посмотрела на тело Стеллы Чэпмен, у нее на шее напряглись жилы. – Как вы можете себе представить, у меня целая куча дел. Вы найдете меня в моем кабинете, если я вам буду нужна.

Она ушла и скрылась за одной из дверей, выходящих в коридор.

– Вы ее просто так отпускаете, босс? – спросил Ожье, держа авторучку на весу. – Вы заметили, как она нервничала? Как будто ей совершенно ни к чему, чтобы копы лазили по ее заведению, несмотря на то что убита одна из ее подчиненных.

Элеонора была довольна, что стажер заметил нервозность начальницы центра, но ее раздражало, что тот тычет ее носом в очевидное.

– Я не просто так ее отпустила. – Она указала на блокнот Ожье. – Запишите для начала: правило номер один в беседе с подозреваемыми...

Ожье энергично кивнул и принялся быстро писать.

– Дайте подозреваемому выиграть первую схватку. Особенно если он настроен враждебно. Пусть думает, что взял верх.

– Значит, она на подозрении?

– В настоящий момент – во главе списка.

– А правило номер два?

– Выждав, наносите решающий удар.

Джейн

1961 год

– Не хочешь посмотреть на фотки Гейл? – предложила Люси по дороге к автобусной остановке. – Они вчера вечером вернулись из свадебной поездки.

– А твой папа тоже там будет?

Не успев задать этот вопрос, я мгновенно поняла, что мне лучше было держать свой глупый язык на привязи. Люси скривилась и спросила:

– А он-то тебе зачем?

– Низачем, – поспешно ответила я. Слишком поспешно. – То есть мне все равно, будет он дома или нет.

На самом деле я не хотела больше видеть мистера Уайтхолла никогда в жизни.

– Странная ты, – буркнула Люси.

Маленькая глупенькая подружка...

Люси закатила глаза.

– Не хочу тебя разочаровывать, но отец не появляется дома до вечернего чая, а то и позже.

Кончилось тем, что я пошла с Люси смотреть фотки. Я ожидала увидеть снимки, сделанные во время свадебного путешествия, но там были только фотографии самой свадьбы. Почти на каждой красовался мистер Уайтхолл. А на тех, где его не было, Гейл и Джефф целовались и чокались бокалами шампанского. Я поклялась никогда в жизни не притрагиваться к шампанскому. Вид этой дряни вызвал у меня такую тошноту, что я побежала в туалет, где меня вырвало.

Пока я обдумывала предлог для ухода, вдруг позвонили в дверь. На долю секунды я решила, что пришел мистер Уайтхолл и мне сейчас придется сказать: «Здравствуйте, мистер Уайтхолл! Рада снова видеть вас». Тогда все немедленно поймут, что произошло в ту ночь, и я умру от жуткого стыда, который будет душить меня с упорством заклинившей молнии на юбке.

Но тут я сообразила, что мистер Уайтхолл не стал бы звонить в дверь собственного дома. Господи, какая же я была тогда дура...

Пока миссис Уайтхолл ходила открывать, Гейл вытащила меня и Люси во дворик, отхлебнула розового вина, глянула на черный вход и прошипела:

– Вы двое... мне плевать, что вам только по четырнадцать лет. Если хотите побольше узнать про пестики и тычинки, спросите у меня, хорошо? Потому что... офигеть.

Она прикурила сигарету и глубоко затянулась, прежде чем выпалить:

– Знаете, что меня реально бесит? – И, не дожидаясь ответа: – С момента твоего рождения любой чмошный дядюшка и сосед обмусоливают тебя с ног до головы, но, стоит тебе подрасти до шестилетнего возраста, гоняют тебя одну в молочный бар за куревом. – Она откинула голову назад и выпустила из блестящих алых губ струйку дыма. – Их не колышет, кто присвистывает тебе вслед или называет тебя всякими липкими прозвищами. – Еще одна струя дыма. – А потом, когда тебе уже пятнадцать, смеются, если ты заявишь, что у тебя есть парень. – Гейл тряхнула головой, опять выпустив облако дыма. Мы с Люси только переглянулись, не понимая, куда она клонит. – Но, судя по всему, тебе не положено знать о чертовых пестиках и тычинках до девятнадцати лет, пока до твоего чертова медового месяца не останется всего пара часов. Что это, черт возьми, за порядки такие?

Гейл взяла бокал с вином, сделала еще один глоток и растопырила пальцы левой руки, любуясь обручальным кольцом с маленьким бриллиантом.

– Я, возможно, уже забрюхатела. Чертов Джефф такой... – Она фыркнула и на секунду отвернулась. – Короче, как я уже говорила, когда захотите узнать про пестики с тычинками, спросите у меня. Могу прямо сейчас рассказать, если вам интересно.

Люси пожала плечами. В этот момент миссис Уайтхолл противным скрипучим голосом крикнула с кухни:

– Гейл, иди сюда, расскажи тете Айрис, как ты плавала с маской и трубкой на Голд-Косте. И лучше не кури там. Тем более без пепельницы.

– Гос-с-спади, – прошипела Гейл и крикнула в сторону кухни: – Ладно!

Она выбросила недокуренную сигарету, затоптала ее и, повернувшись к нам, объявила:

– Не забывайте, хорошо? Потому что я теперь ходячий эксперт по этому вопросу.

Когда за Гейл захлопнулась сетчатая дверь, я спросила Люси:

– О чем это она?

Люси пожала плечами.

– Гейл всего на пять лет старше меня, но та еще чудила.

* * *

Несколько недель спустя мама со стуком бросила нож и вилку на стол и спросила:

– Ты ничего не хочешь мне рассказать?

– Не думаю, – соврала я и напустила на себя непринужденный вид, надеясь, что не покраснею, и опасаясь, что до нее могли дойти какие-нибудь сплетни обо мне и мистере Уайтхолле. – О чем?

– Например, о том, почему у тебя два месяца не было месячных?

И это всё? Я почувствовала такое облегчение, что громко рассмеялась. Однако маме было не до смеха.

– Посмотри мне в глаза и скажи прямо: ты не отмочила какую-нибудь глупость?

– Глупость? – постаралась ответить я невинным тоном. – Ха-ха. С чего начинать?

Ох, с чего начинать, я, конечно, прекрасно знала. С самого глупого поступка в моей жизни. С уединения с бедным мистером Уайтхоллом в той комнате тем вечером. Сидя в мокром от шампанского платье на диване наедине с ним и его жалким хныканьем, я ощутила, как по моему телу разливается бурлящее сочувствие. Перестав всхлипывать, он стал говорить сладкие, как яблочное пюре, слова. С каждым новым большим глотком шампанского моя легкая поддатость все больше тяжелела; я делала вид, что смеюсь глупым шуткам мистера Уайтхолла, не задерживавшимся в моей пьяной головке. Потом позволила ему навалиться и поцеловать меня мокрыми резиновыми старческими губами. Только мистер Уайтхолл и я. Одна я и мистер Уайтхолл. Я очнулась, не помня, где я и сколько сейчас времени, волнуясь, как хрюшка, которую вот-вот почикут на бекон. Мистера Уайтхолла рядом не было – остался только его мокрый, как мое платье, бумажник, застрявший между подушками. Я натянула платье, хотя оно еще не просохло, и почувствовала волну облегчения, обнаружив прямо у выхода стоянку такси. Водителя я попросила остановиться за два квартала до моего дома, чтобы он не узнал мой адрес, а мама не догадалась, что меня не подвезли подружки Гейл, как обещали, и расплатилась деньгами мистера Уайтхолла как своими. Едва такси уехало, меня стошнило в канаву.

Я поступила не просто глупо – неправильно. Неправильно с заглавной буквы Н. Все, абсолютно все было НЕ-ПРА-ВИЛЬ-НО!

– Джейн? Отвечай! Отмочила или нет?

Я проглотила ком в горле, облизнула губы и попыталась привести мысли в порядок. Я же никого не убила? В тюрьму меня не посадят? Или посадят? В любом случае как это связано с пропуском пары «кровавых Мэри»?

– Нет, – снова засмеялась я. – Конечно, нет.

– Это не шутки. – Мать шумно дышала. – Ты с кем-нибудь встречалась? С каким-нибудь мальчиком?

Я затрясла головой.

– Нет, мам, честно.

Это как раз было правдой. Я определенно не встречалась ни с каким мальчиком. И хотя Гейл так и не рассказала нам в тот вечер о пестиках и тычинках, я понимала, что мать имела в виду поцелуи и все такое. Я точно не целовалась и не делала ничего такого с мальчиками.

Она поджала губы.

– Ну хорошо. Скажешь мне, когда начнется. Когда появятся хорошие новости, поняла?

Почему она считала, что «кровавая Мэри» – хорошая новость, мне было невдомек, но через два дня я сказала ей: «У меня хорошая новость». Мать обняла меня и ответила: «Я знала, что ты порядочная девочка».

Через десять дней я призналась, что соврала.

Она посмотрела на меня так, словно я дала ей пощечину.

Мэрилин

1961 год

Заведующая провела Мэрилин, как быка за вдетое в нос кольцо, по коридору, через мощенную кафелем прихожую и еще один коридор в форме буквы Г в столовую, где на новенькую угрюмо уставились около сорока других девушек. Все были одеты в такое же платье, как у Мэрилин, у всех та же грубая короткая стрижка, только волосы отросли на разную длину. Несколько рядов девушек за четырьмя прямоугольными столами – словно никому не нужные куклы на полках магазина.

Мэрилин испугалась, что ее сейчас начнут обзывать, но плотную тишину не нарушил ни один звук.

Ясно. Первое же правило, прочитанное заведующей, гласило: никаких разговоров, вообще никаких. За исключением чрезвычайных ситуаций.

Мэрилин проследовала за начальницей приюта к ближайшему столу, где та, сделав размашистый жест, приказала девушкам подвинуться. Питомицы заерзали, освобождая место на скамье и передвигая тарелки. Мэрилин присела с краю, заведующая опустилась за обеденный стол, стоявший на невысоком помосте в дальнем конце столовой. За ее столом сидели восемь женщин, в том числе сестра Чэпмен, полчаса назад остригшая волосы Мэрилин.

Она почувствовала, что девушка напротив смотрит на нее, поэтому сидела опустив голову, но, не удержавшись, скосила глаза влево на тарелки с рагу, быстро исчезавшем в жадных ртах. Постоянный стук ножей и вилок о тарелки давил на мозги.

Когда девушка напротив вновь принялась за еду, Мэрилин отважилась немного поднять взгляд и прочитала имя на табличке – Глория Брауни.

Подняв глаза выше, Мэрилин увидела, что Глория Брауни с ухмылкой смотрит на нее в упор. Мэрилин словно ударили под дых – она хорошо знала, что за птица сидит напротив. В любой школе наберется десяток таких, как Глория Брауни. Задиры, нападающие стаей и заставляющие почувствовать себя маленькой, бесполезной, уродливой и глупой. Они добивались эффекта тем, что смотрели на тебя, смеялись над тобой и швыряли тебе в лицо вопросы, на которые ты не могла ответить. Например: «Он что, твой парень?» Что бы ты ни ответила – «да», «нет», «не знаю», «оставьте меня в покое», – они покатывались со смеху. Как противно они смеялись... Будто знали о тебе что-то такое, чего ты сама не знаешь.

Мэрилин испытывала кипящую, адскую ненависть к любой Глории Брауни, попадавшей на ее пути. И эта, ухмыляющаяся с другой стороны стола, не составляла исключения. Тем более что у нее на тарелке лежала еда, а желудок Мэрилин скручивало от голода. Она ничего не ела много часов, а ребенок у нее в животе – как бишь о нем говорят? – да, верно, высасывал из нее все соки.

Она сцепилась взглядом с девушкой напротив. Глория Брауни была от силы на год старше ее, да и то вряд ли, но вела себя так, как будто их разделяли десять лет. Она в типичной для забияк манере презрительно вскинула брови. И вдруг передвинула тарелку поближе к Мэрилин, заставив ее усомниться в своей оценке. Правда, тарелка, проделав путь в десять сантиметров, остановилась, и Глория Брауни демонстративно воткнула вилку в кусочек моркови, потом еще в один, обмакнула их в подливу, поставила локти на стол, на секунду поднесла вилку к Мэрилин, потом отклонилась назад и медленно сунула ее себе в рот. Прожевав и проглотив, она в притворном наслаждении закатила глаза, как какая-нибудь графиня на званом ужине. Затем небрежно нанизала на вилку кусочек мяса и повторила спектакль еще раз, не отводя взгляда.

Сука!

Мэрилин почувствовала, как к ее руке, лежащей на столе, прикоснулся какой-то предмет. Соседка – судя по именной табличке, ее звали Нора-Сара Тейлор – пододвинула к ней свою тарелку и кивнула на нее головой с короткими колючими волосами, словно говоря: «Ешь!»

Мэрилин посмотрела на еду. Какие-то белые и оранжевые комки в серой подливке. В животе ныло от голода, но есть с чужой тарелки грязными приборами?..

Однако еда хорошо пахла, пусть на тарелке ее оставалось мало. Мэрилин набила рот, а подобрав последний кусочек картофельного пюре, провела четырьмя пальцами по тарелке, собирая остатки подливы, и лихорадочно их облизала. Все это время Глория Брауни продолжала ухмыляться.

Почему обидчикам все всегда сходит с рук? Почему Глорию Брауни и других нахалок не привлекают к ответу за то, что они делают с людьми вроде Мэрилин? Не воздают им по заслугам? Она мельком взглянула на Глорию Брауни, уплетавшую лимонный пудинг и все еще пялившуюся на Мэрилин. Хотя они не обменялись ни единым словом и, возможно, никогда не обменяются, Мэрилин уже возненавидела Глорию Брауни и все, что за ней стояло.

В тот день, сжавшись от страха и кипя от ненависти, она не знала, что Глория Брауни получит куда больше, чем заслужила. Однако все это произойдет много позже, когда Мэрилин перестанет различать, где правда, где ложь, а где игра воображения.

Элеонора
1973 год

– Женщины всегда рожают у вас в такой позе? – Элеонора махнула в сторону родильного зала.

Она и Ожье сидели на жестких стульях напротив миссис Монтагью за ее рабочим столом. Заведующая приютом откинулась на спинку кожаного кресла, плотно сжимая обеими руками пресс-папье. Она приподняла подбородок – ровно настолько, чтобы взглянуть сверху вниз поверх длинного угловатого носа на Элеонору, – и заговорила в своей манере – быстро, но тщательно выговаривая все согласные:

– Все женщины в наше время рожают в этой позе.

Монтагью скользнула взглядом по руке детектива, которой та указывала на родильный зал. По левой руке.

– Полагаю, деторождение – это та область, в которой у вас мало опыта?

Элеонора про себя отметила, что в кабинете благодаря обогревателю было не так холодно, и решила пропустить шпильку мимо ушей.

– Почему вы не отправляли девушек рожать в Хоршем? В городе такого размера наверняка должна быть хорошо оборудованная больница, разве не так?

Заведующая демонстративно повернулась к Ожье.

– Причин много. Но ни одна из них не имеет отношения к смерти медсестры Чэпмен.

– Вы шутите? – спросила Элеонора. – Одна из ваших медсестер найдена убитой в родильном зале, привязанной к родильному столу в позе для родов, а вы не находите никакой связи с тем, что здесь, на этом же столе, в этой же позе рожали детей другие женщины?

Монтагью со вздохом продолжила, по-прежнему обращаясь к Ожье:

– Роды принимались здесь, чтобы не возить пациенток в базовую больницу Виммеры. Если честно, то роженицы в больнице не хотели делить отделение с... такими персонами, какие обычно попадали в Хэрроуфорд. Кроме того, так было элементарно удобнее – для всех.

– Не сомневаюсь. – Элеонора постаралась спрятать сарказм, но, похоже, у нее плохо получилось. – Вот только в больнице родильные столы не снабжают кожаными ремнями.

Миссис Монтагью зыркнула на Элеонору и снова перевела взгляд на Ожье.

– Иногда роженицу приходится умирять... – Она моргнула, прежде чем продолжить: – Чтобы защитить и ее саму, и ребенка.

Ожье неуклюже кашлянул и спросил:

– От чего?

– Многие наши подопечные имеют в анамнезе случаи насилия и даже попыток самоубийства. Сам факт, что их поместили в Хэрроуфорд-Холл, вам ни о чем не говорит?

Заведующая слегка приподняла брови и улыбнулась, словно включая стажера в круг посвященных.

– Здесь приют для незамужних матерей, а не для незамужних преступниц, не так ли? – спросила Элеонора.

Уголок рта старшей медсестры едва заметно дернулся. Детектив понадеялась, что эта маленькая, но важная деталь не ускользнула от внимания Ожье. Она, конечно, ничего не доказывает, зато позволяет заглянуть в характер подозреваемой, чего занесенные в протокол слова не позволяют сделать.

– На мой взгляд, разницы никакой. – Монтагью продолжала говорить только с Ожье. – Местных пациенток и матерями-то трудно назвать. Ни одна из них не похожа на вашу скромную маленькую соседку. – Она вздохнула, давая понять, как ее утомили все эти объяснения. – Их затруднительное положение само по себе наглядно показывает, насколько они не уважают правила и порядки нашего общества. Или, как в некоторых случаях, показывает их абсолютную неспособность понимать эти правила, не говоря уже о том, чтобы им следовать. Так или иначе, таким персонам нельзя доверять воспитание детей. Хэрроуфорд существует именно по этой причине. По той же причине обитательницы центра соглашаются отдавать своих детей на усыновление. – Старшая медсестра постучала кончиками пальцев друг о друга. – Если б они, как все мы, были законопослушными порядочными гражданками, заботящимися о ценностях и нормах общественной жизни или хотя бы о собственном благополучии, не говоря уже о благополучии своего потомства, то в Хэрроуфорде не было бы нужды.

На этот раз Элеонора даже не пыталась скрыть сарказм:

– Почему же тогда Хэрроуфорд закрыли?

Монтагью снова вздернула подбородок.

– Я уверена, что уж вы точно слышали, как один бестолковый судья проявил безграничную мудрость и решил, что врачам теперь позволено прерывать беременность в законном порядке, когда вздумается. – Она потрянула головой, словно попыталась выбросить из нее досадную мысль. – В итоге женщины, которые попали бы в Хэрроуфорд, которым потребовался бы уход и которые могли бы произвести на свет ребенка для усыновления, осчастливив какую-нибудь бездетную пару, теперь бегут и делают аборт, задумываясь об этом не больше нас, когда мы решаем, готовить ли воскресное жаркое с горохом или с бобами.

– Надо думать, контрацептивы тоже сыграли свою роль? – вставил Ожье.

Элеонора метнула на стажера гневный взгляд. «Ты на чьей стороне, черт возьми?»

Монтагью печально покачала головой.

– Вы совершенно правы, детектив. Еще как сыграли. Короче говоря, такие вещи приводят цивилизованное общество на грань развала. – Она взяла авторучку. – Если у вас все, у меня еще много работы – как наверняка и у вас.

Элеоноре было не впервой сталкиваться с настоящей на сексизме игрой в кошки-мышки, в которую играла Монтагью. За пятнадцать лет службы в полиции, будучи всего двенадцатой женщиной-детективом в штате Виктория, она встречала сотни таких Монтагью мужского и женского пола. Получив немного власти и войдя во вкус, они самодовольно занимали позицию морального превосходства. Большинство из них, в том числе женщины, терпеть не могли, когда их опрашивала детектив женского пола, и предпочитали, как это делала Монтагью, отвечать, обращаясь к мужчине, даже если он был младшим по чину. Элеонора буквально читала их мысли: «Женщинам не пристало играть в сыщиков и воров». Многие говорили это вслух. Несмотря на сексуальную революцию шестидесятых годов, для сорокалетней женщины-детектива, не отвечавшей расхожим стереотипам – без губной помады, прически, скрепленной литром лака для волос, и обручального кольца, – ровным счетом ничего не изменилось.

Тем не менее осаживать их или спорить с ними не было никакого смысла. От детектива требовалось рыть землю и придерживаться фактов.

– Миссис Монтагью, женщина под вашим началом была убита на вашем рабочем месте, – напомнила Элеонора. – Учитывая, что это вы обнаружили труп, но, похоже, мало встревожены убийством и не опасаетесь за свою безопасность или чью-либо еще безопасность в Хэрроуфорде, у меня нет другого выбора, кроме как поместить вас в самый верх списка подозреваемых.

Краем глаза она заметила, что Ожье усердно строчит – несомненно, под рубрикой «Решающий удар».

Монтагью повернулась к Элеоноре, презрительно прищутив глаза.

– Если б эту глупую корову убила я, то с какой стати стала бы звонить в полицию?

– Глупую корову? – переспросила Элеонора, твердо глядя на подозреваемую.

– Ой, какого черта! Я использую это выражение метафорически. Скорее из-за самого факта убийства. Может быть, она вовсе не глупая, а непризнанный гений ядерной физики – откуда мне знать? Но что касается меня... – она дернула головой и обвела жестом горку конвертов на столе, – мой день полностью испорчен.

– А уж как ее день испорчен и говорить нечего.

– Ну, я для нее больше ничего не могу сделать, не так ли? А по поводу тревоги о себе и медсестрах, то даже вам должно быть очевидно, что это убийство совершено по личным мотивам.

– Боюсь, когда речь идет об убийстве, ничего нельзя считать очевидным, миссис Монтагью. Мне вот совершенно непонятно, что мисс Чэпмен делала здесь в такую рань. Как вы думаете, почему она приехала сюда еще до вас?

– Откуда я знаю? – Заведующая повернулась к Ожье. – Здесь тысяча дел требуют моего внимания. Если вы хотите подробнее расспросить меня, может быть, вам лучше приехать завтра, когда я покончу с этой... – она еще раз обвела стол широким жестом, – бюрократической канителью?

Заведующая встала и выпрямилась, упершись ладонями в стол. Она, несомненно, тысячу раз применяла этот прием раньше в качестве утешения.

– Сядьте, миссис Монтагью, – твердо приказала Элеонора. – Ваша бюрократическая канитель до завтра никуда не убежит, а вот убийца мисс Чэпмен может успеть скрыться.

Монтагью была готова взорваться, но тут Ожье вежливо произнес:

– Всего пара вопросов.

Фыркнув, она села.

– Только побыстрее.

– Продолжайте, – кивнула Элеонора стажеру и демонстративно откинулась на твердую спинку стула. Если Монтагью предпочитает отвечать молодому полицейскому в форме – флаг ей в руки. Она посидит и понаблюдает. Потому что, невзирая на всю нахрапистость заведующей, Элеонора чувствовала, что та что-то скрывает. Возможно, дело вовсе не в том, что ее опрашивала женщина, а в том, что Монтагью стремилась отвлечь внимание от преступления как такового. Мозгов ей не занимать. Если она действительно убила Стеллу, то тщательно продумала, какой стратегии придерживаться во время опроса, и, возможно, почувствовала облегчение, а то и обрадовалась, увидев зеленого констебля.

Бросив на босса быстрый взгляд, Ожье начал задавать обычные вопросы, какие задают копы в телесериалах, в то время как Элеонора внимательно следила за ответами Монтагью, ее жестами и мимикой.

Нет, она не знает, зачем кому-то убивать Стеллу. Да, Стелла работала в Хэрроуфорде долгое время – более десяти лет, – и ее все любили. Нет, посторонние не могут проникнуть в родильный зал просто так, он всегда закрыт на ключ. Да, у них хранятся медикаменты – в

шкафу, который тоже запирается на ключ. Нет, она не проверяла, всё ли на месте. Да, она, разумеется, знает, у кого есть ключ – у нее самой и у врачей, принимавших роды; она уже посмотрела – ее ключ не пропал, он по-прежнему заперт в ящике стола. Нет, ни у кого больше ключа не было. Да (она закатила глаза), у нее, разумеется, есть список адресов и телефонов всех врачей. Нет, она ничего не знала о личной жизни медсестры Чэпмен или, если на то пошло, любой из медсестер. Да, она обнаружила труп, прибыв в Хэрроуфорд рано утром и посетив родильный зал для решения кое-каких административных вопросов. Нет, ей больше нечего добавить.

И еще раз закатив глаза: да, она предоставит им помещение для опроса других сотрудниц, «если это абсолютно необходимо».

Ответы перемежались возмущенными вздохами и хмурыми взглядами, показывавшими, как много неудобства доставляет ей вся эта процедура, однако Элеонора также подметила, что заведующая быстро постукивала указательным пальцем по тыльной части ладони другой руки – тем же пальцем, которым прежде постукивала по предплечью, сложив руки на груди. В ходе курса «Психология преступного лжесвидетельства», который Элеонора закончила несколько недель назад, преподаватель говорил, что такие симптомы указывают на то, что человек что-то пытается отчаянно скрыть, выглядя при этом невиновным. Отчаянно пытаются выглядеть невиновными только те, кто чувствует себя виноватым.

Однако, если Монтагью действительно убила Стелла, зачем она оставила жертву в такой позе? Почему не выбросила труп за много километров отсюда и не сделала вид, будто не понимает причину невыхода Стеллы на работу? Какой в этом смысл? Естественно, мертвое тело не так-то просто загрузить в машину – многие убийцы об этом не задумываются, пока не столкнутся с реальностью, – но труп не менее трудно взвалить и на родильный стол. Так что...

Ход мыслей Элеоноры нарушил голос Монтагью:

– Как я уже говорила, если б ее убила я, то не стала бы не только звонить в полицию, но и вести себя как убийца.

Элеонора вспомнила горячие уверения преподавателя курса «Смерть и уловки» в том, что убийцы делают всё, что в их силах, дабы выставить виноватым кого-нибудь другого. Сотни, тысячи убийц гневно настаивают, что изобличающие их улики на самом деле доказывают их невиновность. Они с возмущением оскорбленной невинности кричат: «Вы что, не видите? Разве это не очевидно? Меня подставили – жена / муж / партнер по бизнесу / бывший любовник / начальник / друг. С какой стати я оставил или оставила бы свой велосипед / губную помаду / зажигалку / ботинки / ключи, чтобы навести на себя подозрение? Я не настолько глуп / глупа».

Как объяснил преподаватель, большинство преступников действительно глупы и неизбежно допускают не одну, а несколько ошибок. Однако они всегда убеждены в своей непогрешимости и превосходстве и питают иллюзию, что никогда не попадутся. Преподаватель упомянул еще один парадокс: для того чтобы кого-то подставить, требуется намного больше планирования, хитрости и ума, чем для убийства.

Элеонора взвесила известные факты. Монтагью обнаружила мертвое тело, у нее были ключи от шкафа с медикаментами и родильного зала, она заняла оборонительную (граничащую с агрессией) позицию и в лоб заявила, что раз она похожа на убийцу, то это «доказывает» ее невиновность.

Детектив взглянула на часы. Где чертова бригада криминалистов, которая, по словам констебля О'Салливан, уже выехала? Необходимо установить, отравлена ли сестра Чэпмен медикаментами, хранившимися в родильном зале, или чем-то еще. Элеоноре, конечно, придется опросить всех врачей, у кого имелся ключ, а также других сотрудниц, друзей Стеллы, членов ее семьи, но в поведении Монтагью наблюдалось нечто явно подозрительное. Нечто такое, отчего у Элеоноры волосы на затылке ошетинились, как шерсть на загривке животного.

Ожье задал еще один вопрос:

– Вы живете в Хэрроуфорде, миссис Монтагью?

– Жила. Когда приют покинули последние жившие здесь сотрудники, я тоже съехала. Скопила немного денег, пока тут работала, и купила небольшой домик в Хоршеме. Могу заранее ответить на ваш следующий вопрос: последнюю ночь я провела дома. Одна. – Она соизволила взглянуть на Элеонору. – Так что у меня нет алиби. Но вас-то это как раз устраивает, не правда ли?

Элеонора выдержала взгляд. Эта женщина сильно ей не нравилась. В материалах курса «Поиск подозреваемого» говорилось, что субъективные оценки не должны влиять на ход расследования, но даже если Монтагью не виновата в смерти Стеллы, то как пить дать виновата в чем-то еще.

И Элеонора твердо решила выяснить в чем.

Джейн

1961 год

Когда мама потащила меня на следующий день к доктору Ланкастеру, у нее все еще был такой вид, будто я дала ей пощечину. Она не изменила выражения лица, даже заметив мистера Батлера, смотревшего на нас из окна своего дома.

– Старый сплетник, – только и пробормотала мама.

Мы не впервые отправлялись к доктору Ланкастеру. С тех пор как начались «кровавые Мэри» – мне было всего двенадцать лет, – меня мучила невыносимая резь, словно в живот по бокам вонзали раскаленные ножи. Держась за живот руками, я каталась по полу гостиной, вопя, воя и скуля от боли. После третьего мучительного приступа миссис Уайтхолл посоветовала маме обратиться к доктору в Арарате, чинившему «женские передки», и двумя днями позже мы приехали к нему на прием. Нам пришлось долго трястись в автобусе, но миссис Уайтхолл заверила, что доктор стоит потраченного времени.

Я никогда в жизни не испытывала худшего унижения. Мне достаточно стыдно обсуждать «кровавые Мэри» с матерью, но рассказывать о них мужчине, которого я вижу впервые в жизни?.. Если б термометр, который он сунул мне под язык, измерял не температуру, а степень унижения, он взорвался бы и разлетелся на миллион крохотных кусочков.

На каждом приеме доктор говорил маме, чтобы я сидела дома во время месячных, а мне: «Лежи в кровати с горячей грелкой и пакетиком леденцов из ячменного сахара. И не действуй матери весь день на нервы своим нытьем». Я никогда раньше не слышала о таких средствах, но ячменные леденцы действительно помогали. По крайней мере, пока у меня разрывались внутренности, меня не заставляли решать дроби или бегать по стадиону.

Думаю, эти выгоды компенсировали все остальные пытки, которые мне приходилось переносить в его кабинете. Например, стыд, когда он приказывал лечь голой на кушетку, накрывшись одной простынкой: «Согни колени, пятки прижми к задку, раздвинь колени как можно шире».

Всякий раз, лежа, я читала и перечитывала два свидетельства, висевшие на стене рядом с диагностическим столом. Из них я узнала, что доктор Говард Руперт Ланкастер окончил Мельбурнский университет в качестве бакалавра медицины и бакалавра хирургии в 1946 году и что он был «надлежащим образом принят» в Королевскую коллегия акушеров и гинекологов в 1955 году. Свидетельство было подписано президентом коллегии (скука!), зато вторая подпись принадлежала попечителю коллегии (о боже, вот Люси удивится, когда услышит!), Ее величеству вдовствующей королеве. Я закрыла глаза и вообразила королевских лакеев в ярких синих бриджах, белых чулках и ботинках с пряжками, распахивающих двери коллегии, чтобы вдовствующая королева в розовато-лиловом туалете со шляпкой в тон, на которой развевались

свисающие на лоб перья, могла «принять» доктора Ланкастера в коллегия и угостить его в королевской гостиной чаем со сконами.

Поэтому, когда мне становилось невольно от унижения, я убеждала себя: все хорошо, ведь способность доктора Ланкастера чинить «женские передки» подтвердила вдовствующая королева. Да и сам доктор говорил: «Сейчас проверим, что там у тебя, чтобы все было чики-пуки».

Доктор Ланкастер частенько использовал это словечко, но не в тот день, когда мы приехали к нему на прием через несколько недель после свадьбы Гейл.

– Ага, – встретил он нас улыбкой, – вас опять беспокоят месячные?

Я быстро покачала головой, а мама сказала:

– У нее их нет уже некоторое время.

Ее голос с каждым словом становился все выше и на слове «время» сорвался почти на визг, после чего она шмыгнула носом.

В эту секунду улыбка доктора Ланкастера съезжилась и испустила дух. У него вырвалось единственное, полное отвращения слово: «Что-о?»

Я дернулась – это «о-о» чуть не проткнуло мои барабанные перепонки. Врач раскрыл картонную папку, где держал сведения обо мне и моем «передке», схватил ручку и рывкнул:

– Сколько месяцев, Айрин?

Не поняв, отчего они так волнуются, я спросила:

– Я что, больна?

Меня никто не удостоил ответом.

Мать вцепилась пальцами в сумочку с такой силой, что, казалось, вот-вот разорвет ее в клочья.

– Два. Может быть, три.

Доктор посмотрел на меня – в его глазах ворочалось негодование, – потом на маму.

– Так сколько, Айрин? Два или три?

– Я не знаю, – пропищала мать. Ей было страшно, потому что таким доктора Ланкастера мы еще не видели. Это был вовсе не тот доктор Ланкастер, пресный, как картонные папки на его столе. И не тот, кто на втором приеме, когда мать пролепетала извинения («Прошу прощения, но ваш счет, наверное, потерялся на почте»), со спокойным добродушием ответил: «Я не высылал вам счет, Айрин, и не собираюсь этого делать впредь. У меня есть очень богатые пациентки, которым наплевать, беру я с них оплату по таксе или выставляю счет в два раза выше. – После чего подмигнул, наклонил голову и добавил: – Что я и делаю. Поэтому мне нет нужды заставлять платить таких, как вы, людей, находящихся в зоне финансового дискомфорта».

Мать открыла было рот, чтобы возразить, но из него лишь вырвалось коротенькое «о!», и она с облегчением защелкнула сумочку.

Нет, эту сторону доктора Ланкастера мы определенно еще не видели. Лицо покраснело, губы выпятились, и он сделал такой мощный выдох, что воздуха хватило бы надуть целый воздушный шар. Когда он полностью опорожнил легкие, я думала, он скажет: «Беспокоиться не о чем. Все чики-пуки», но вместо этого он вскинул брови, вздохнул еще раз и произнес:

– Должен признаться, Айрин, я шокирован. – Потер затылок. – Если честно, – покачал головой и нахмурился, – я в ужасе.

– Я тоже, – глухо, словно с морского дна, ответила мать. – Просто я не помню, когда у нее были последние месячные. – Она повернулась ко мне. – А ты помнишь?

Я открыла рот и выдавила хрипловое «нет».

У меня почему-то не получалось перестать лгать. Ведь я прекрасно помнила, как Люси приставала ко мне: пойдём да пойдём выберем розовое «свадебное» платье, как она его называла, но, когда настал срок, я в очередной раз валялась в кровати с адской «кровавой Мэри»,

прижимая к животу горячую грелку и сося один леденец из ячменного сахара за другим. После этого месячных у меня не было.

Доктор Ланкастер с отвращением покачал головой, вздохнул и принял будничный вид, как будто решил, что гневом делу не поможешь.

– Хорошо, не будем забегать наперед, Айрин. Не исключено, что возникла простая задержка. Мы сделаем анализы, лады?

Он выдвинул ящик стола, вручил мне маленькую баночку с желтой крышкой и отправил меня в туалет «побрызгать».

Я не поняла, что от меня хотят. Мать прошептала:

– Тебе надо в нее пописать.

Я раньше не знала, что раздражение можно выражать и шепотом тоже.

Пока я «брызгала», регистраторша доктора Ланкастера ждала за дверью туалета с розовыми резиновыми перчатками на руках и презрительной усмешкой на губах. Когда я подала ей баночку, она взяла ее большим и указательным пальцами, отодвинув остальные пальцы на максимальное расстояние.

Доктор Ланкастер сообщил маме, что мои «брызги» отправят в лабораторию, где введут шприцем лягушке женского пола.

– Это новый метод, Айрин. Он чрезвычайно точен.

– Лягушке? – пискнула я. – Зачем?

Оба не обратили на меня никакого внимания.

– Если лягушка отложит икру, – продолжал доктор Ланкастер, глядя только на маму, – вам придется принимать серьезное решение, Айрин. Не отложит, – он громко вздохнул, – тогда все, как я бы сказал, чики-пуки. Результат будет известен завтра. Уходя, попросите Тину назначить для вас время приема после двух пополудни. А пока что предлагаю об этом помалкивать.

* * *

По дороге домой я хотела спросить маму, что за серьезное решение нам пришлось бы принимать. Я понятия не имела о том, что могла, по выражению Гейл, забрюхатеть, однако мать, покинув кабинет врача, не обменялась со мной ни единым словом. Тогда я тоже застегнула рот на замок на все время, пока мы возвращались на автобусе домой, и даже до той минуты, когда вошли в дом и мать в сердцах хлопнула дверью. Через час я услышала, что она поставила чайник и моет овощи, и отважилась прийти на кухню. Не глядя на меня, мать положила на тарелку немного жаркого и картофельного пюре, ушла к себе в комнату и закрыла за собой дверь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.